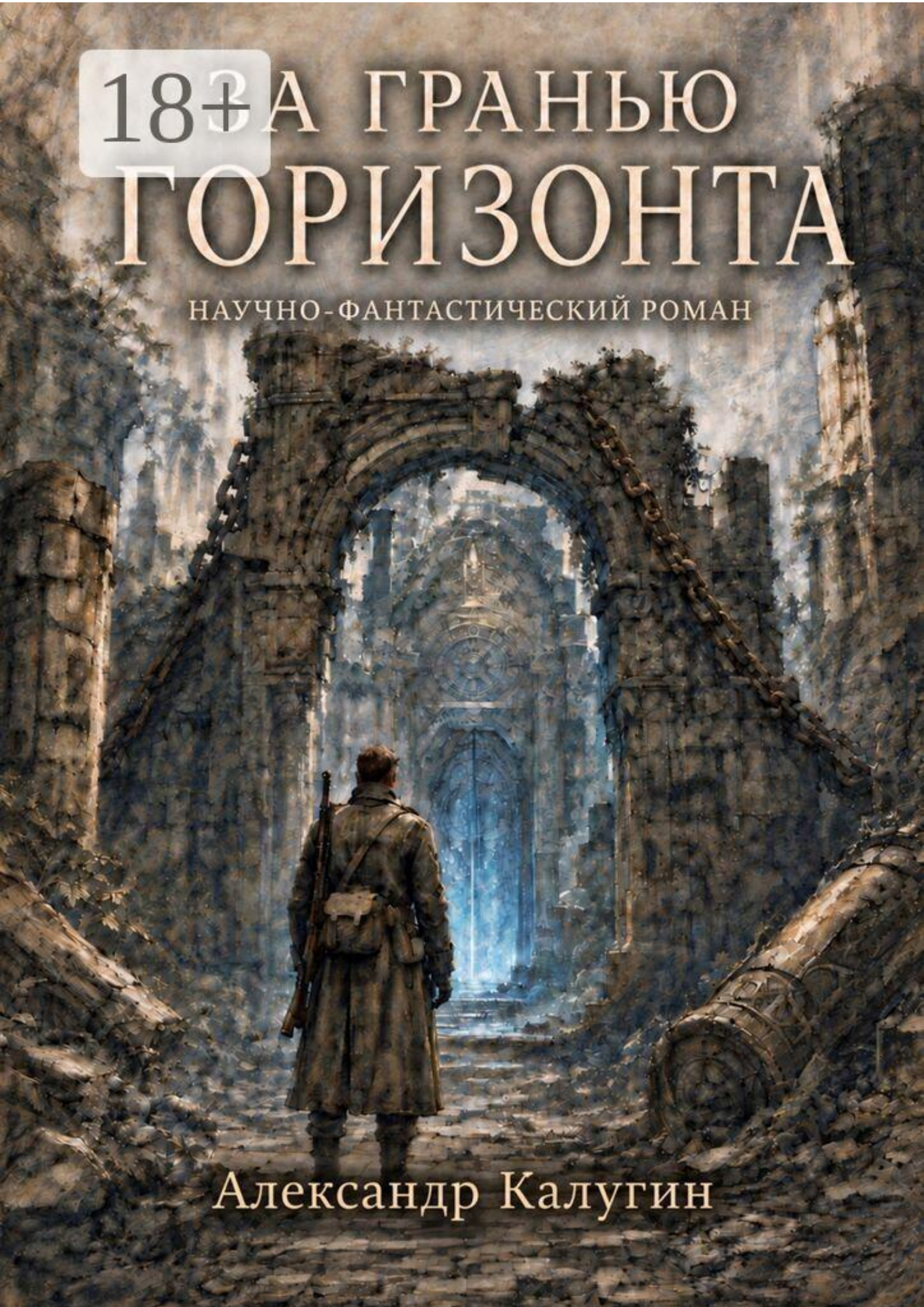
18+

ЗА ГРАНЬЮ ГОРИЗОНТА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН



Александр Калугин

Александр Калугин

За гранью Горизонта. Экспедиция в мир, которого не должно существовать

«Издательские решения»

Калугин А.

За гранью Горизонта. Экспедиция в мир, которого не должно существовать / А. Калугин — «Издательские решения»,

После Первой мировой войны судьба бывшего офицера Кристиана Маттиаса Вирца принимает неожиданный оборот. Загадочная экспедиция приводит его к тайне, способной изменить само представление о человеческой истории. За пределами известного мира скрывается нечто, чего человечество никогда не должно было увидеть. Но иногда самое опасное открытие — это правда, к которой никто не готов.

© Калугин А.
© Издательские решения

Содержание

О мирах 6
О дыхании миров 7
О времени 8
О свете и небесах 9
О Великих Древах 10
О границах 11
О Путниках 12
Пролог. Безымянное утро 13
1 мая 1940 года 14
2 мая 1940 года 22
3 мая 1940 года 24
4 мая 1940 года. Ночь 25
Глава I. Горизонт 27
17 июня 1940 года 28
18 июня 1940 года. Утро 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

За гранью Горизонта Экспедиция в мир, которого не должно существовать

Александр Калугин

© Александр Калугин, 2026

ISBN 978-5-0071-4754-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Из Сказаний Хранителей. О мирах, которых мы не видим

*** * ***

О мирах

Никто не знает, где заканчивается мир. Мы научились измерять дороги и моря, дали имена звёздам, нанесли на карты берега и убедили себя, что всё существующее однажды можно увидеть, описать и подчинить числу. Но что, если границы мира проходят не там, где заканчивается земля и начинается небо? Что, если сам мир — лишь один из множества домов, а человек знает только тот, в котором ему довелось родиться?

Древние сказания говорят об иных мирах. Не обязательно далёких: расстояние имеет значение лишь там, где существует общая дорога. Между мирами может не быть ни моря, ни пустоты, ни бесконечного звёздного пути. Их способна разделять сама природа мироздания — незримая граница, которую невозможно измерить шагами. Иногда человек проходит всю жизнь, не приблизившись к ней. Иногда достаточно одного шага, чтобы навсегда оставить прежнее небо за спиной.

Нет двух совершенно одинаковых миров. В одном рассвет рождается под несколькими солнцами, в другом свет не имеет видимого источника. Где-то воздух лёгок и наполнен запахом трав, а где-то он лежит на земле тяжёлой неподвижной толщей. В одних мирах жизнь цветёт так щедро, будто не знает смерти. В других от неё остались лишь каменные дороги и города, чьи названия давно некому произнести. Есть и такие земли, где жизнь не погибла, а уснула глубоко под снегом и льдом, ожидая часа, о котором не помнит ни одно живое существо.

Мы называем собственный мир единственным не потому, что доказали это, а потому, что никогда не видели другого. Хранители говорили: «Не принимай знакомое за единственно возможное. Дом кажется целым миром лишь тому, кто никогда не переступал его порога».

О дыхании миров

А что, если каждый мир не только существует, но и звучит? Не голосом, который можно услышать, а глубинным ритмом, проходящим через камень, воду, воздух и всё живое. Древние называли его дыханием мира. Поздние толкователи пытались говорить о колебаниях и вибрациях, однако ни одно слово не могло передать того, что ощущал человек, впервые оказавшийся под чужим небом.

В одном мире это дыхание молодо и сильно. Там быстрее поднимаются леса, реки несут прозрачную воду, а живые существа словно чувствуют скрытую полноту земли. В другом ритм становится медленным и тяжёлым: тени сгущаются раньше, звук возвращается непривычным эхом, а тишина приобретает вес. Бывают миры, чьё звучание почти иссякло. Они ещё существуют, но жизнь покинула их, оставив после себя лишь память, заключённую в камне.

Путник замечает чужое дыхание не сразу. Сначала ему кажется, что изменился воздух. Затем привычная ноша становится легче или тяжелее, шаг звучит иначе, а собственный голос словно теряется прежде, чем достигает стен. Иногда человек перестаёт видеть сны. Иногда ощущает спокойствие там, где должен был бы испытывать страх. Он ищет причину в усталости, высоте, неизвестной породе или неисправности приборов. Лишь позднее приходит мысль: возможно, изменился не он. Возможно, иначе дышит сам мир.

Хранители не делили это дыхание на доброе и злое. Молодой мир не лучше древнего, а цветущий не мудрее угасающего. Каждый несёт собственный ритм и собственную судьбу. Потому в сказаниях сохранились слова: «Миры не разговаривают. Миры звучат. И тот, кто желает понять чужую землю, должен сначала научиться слушать её тишину».

О времени

Люди привыкли думать, что время одинаково для всех. Они доверяют часам, смене света и движению небесных тел. Но что, если время принадлежит не мирозданию целиком, а каждому миру отдельно? Что, если оно течёт множеством рек, которые никогда не сравнивали своё течение?

В одном мире день способен растянуться так, что человек перестанет ждать наступления ночи. В другом между двумя рассветами пройдёт целая жизнь. Где-то годы разрушают металл и превращают стены в прах. Где-то древняя стрела сохраняет остриё, будто была выпущена вчера, а след, оставленный на камне столетия назад, всё ещё ждёт того, кто сумеет его прочесть.

Часы могут быть исправны и всё же ничего не объяснять. Они считают движение собственного механизма, но не знают, сколько времени прошло по другую сторону незримой границы. Для путника минует несколько недель, тогда как в покинутом им мире успеют состариться люди, исчезнуть государства и смениться поколения. А может случиться наоборот: он вернётся домой и обнаружит, что там почти никто не заметил его отсутствия.

Поэтому Хранители запрещали измерять чужой мир только знакомыми мерками. Они говорили: «Не спрашивай, сколько времени прошло. Сначала узнай, для кого оно шло». Ибо даже самые точные часы бессильны там, где само время выбирает иной путь.

О свете и небесах

Небо кажется человеку вечным лишь потому, что он с детства видит над собой одни и те же звёзды. Он учится находить по ним дорогу, узнаёт знакомые созвездия и верит, что именно так должно выглядеть любое небо. Но древние предупреждали: первым признаком чужого мира становится не земля под ногами, а свет над головой.

Есть миры, над которыми восходят два или три солнца. Их сумерки коротки, а ночь приходит лишь на несколько мгновений. Есть земли, где солнце поднимается низко и едва согревает поверхность. В иных мирах светится сам небосвод: ровный, безоблачный, не отбрасывающий привычных теней. Путник ищет источник этого света и не находит его, хотя видит собственные руки и дорогу перед собой.

Ночи также не повторяются. Над одними мирами плывут несколько лун. Над другими висит гладкий безмолвный полумесяц, на котором невозможно различить ни кратеров, ни теней. Иногда разрушенное светило оставляет вокруг неба сияющее кольцо. Иногда звёзды складываются в незнакомые узоры, и человек внезапно понимает, что ни один из путеводных огней его дома больше не существует над ним.

В некоторых мирах именно ночь пробуждает жизнь. После заката раскрываются цветы, к берегам поднимается рыба, между деревьями появляются звери и птицы. Но даже живой мир может оставаться безмолвным, словно всё сущее в нём давно научилось не выдавать своего присутствия.

Хранители учили не сравнивать небеса. Ни одно из них не прекраснее и не правильнее другого. Каждое рассказывает историю своего мира. Однако путнику они оставляли предупреждение: «Если однажды ты не найдёшь над собой ни одной знакомой звезды, не торопись считать, что заблудился. Возможно, дорога, по которой ты шёл, закончилась гораздо раньше».

О Великих Древах

Говорят, в сердце каждого мира растёт Великое Древо. Никто не знает, было ли это лишь образом, придуманным древними, или они действительно видели исполинские корни, уходящие в глубины земли, и крону, касающуюся небес. Хранители называли Древо памятью мира: пока оно живо, мир помнит собственное начало.

В молодых мирах Древа высоки, их кора светла, а ветви полны листвы. Такие земли легко рождают новую жизнь. Вода там чиста, травы поднимаются после каждого дождя, а живые существа не замечают щедрости собственного дома. Им кажется, что так будет всегда.

Но миры, как и всё живое, проходят через свои эпохи. С годами кора Великого Древа темнеет, отдельные ветви перестают давать листья, а его дыхание становится медленнее. Тогда меняется и земля. Дни могут стать короче, осень — длиннее, а воздух — тяжелее. Народы ощущают приближение перемен, но редко понимают их причину.

Есть миры, жители которых давно забыли о своём Древе. Там, где некогда возвышался живой исполин, теперь стоит безмолвная гора, укрытая снегом и льдом. Поколения сменяют друг друга, легенды превращаются в сказки, и никто уже не подозревает, что под камнем может храниться память целого мира. Возможно, такие Древа умерли. Возможно, лишь уснули. Хранители не давали окончательного ответа.

Они говорили только: «Не ищи величие Древа в его высоте. Ищи его в памяти, которую оно сохраняет. Мир способен пережить гибель городов и исчезновение народов, но, потеряв память о себе, он начинает угасать ещё при жизни».

О границах

Если иные миры существуют, почему их дороги не пересекаются каждый день? Почему люди не встречают чужих путников на площадях собственных городов и не видят незнакомых кораблей у своих берегов? Сказания отвечают: миры разделены не пустотой, а границами, созданными вместе с ними.

Граница не всегда похожа на стену. Она может скрываться в горной пещере, под неподвижной водой, среди развалин древнего храма или там, где дорога внезапно перестаёт подчиняться знакомым законам. Тысячи людей пройдут рядом и ничего не заметят. Но однажды граница станет тоньше, и человек сделает шаг, после которого прежний мир уже не сможет вернуть его прежним.

Древние возводили у таких мест арки, ворота и каменные преграды. Возможно, они пытались отметить путь. Возможно — сохранить его для тех, кто придёт позже. Но не всякая дверь была создана для того, чтобы её открывали. Иногда замок удерживает опасность снаружи. Иногда — не позволяет ей выйти изнутри. А иногда по обе стороны ворот стоят люди, каждый из которых уверен, что защищает собственный мир.

Поэтому Хранители никогда не называли переход победой. Переступить границу — ещё не значит понять, куда она ведёт. Они предупреждали: «Прежде чем открыть древние врата, спроси не только о том, что скрывается за ними. Спроси, кто и почему однажды решил их закрыть».

О Путниках

Путником нельзя стать по собственному желанию. Многие ищут дороги между мирами всю жизнь и не находят ничего. Другие не верят в существование иных земель, но однажды входят в пещеру, открывают древнюю дверь или следуют по забытой дороге — и оказываются под небом, которого никогда прежде не видели.

Первым испытанием Путника становится не страх, а сомнение. Человек пытается объяснить увиденное привычными знаниями. Он винит приборы, погоду, усталость и собственное воображение. И это правильно: чудом часто называют лишь то, для чего ещё не найдено объяснение. Но наступает мгновение, когда прежних знаний перестаёт хватать. Именно тогда начинается настоящее путешествие.

Второе испытание — память. Чужой мир постепенно меняет человека. Он привыкает к иному свету, иному течению времени и тишине, которая прежде показалась бы невозможной. Одни Путники начинают забывать дом. Другие возвращаются к нему, но уже не могут жить так, как прежде. Их рассказы кажутся вымыслом, доказательства исчезают, а молчание становится единственным способом сохранить увиденное от насмешек и недоверия.

Среди Хранителей существовал обычай: каждый вернувшийся Путник должен был записать свой путь. Не ради славы и не ради награды. Запись оставляли для того, кто однажды увидит ту же дверь, ступит на ту же дорогу и поднимет глаза к тому же чужому небу. Возможно, одна сохранённая строка способна пережить и человека, и государство, и эпоху.

Последняя заповедь Хранителей звучала так: «Не бойся увидеть иной мир. Бойся забыть, кем ты был в собственном. Истинное путешествие не заканчивается возвращением, потому что граница, однажды пересечённая человеком, навсегда остаётся внутри него».

* * *

На этом заканчивается одно из древнейших Сказаний Хранителей. Оно не называет ни имён, ни дорог, ни миров, о которых говорит. Возможно, перед нами лишь миф, рождённый человеческим страхом перед неизвестностью. Возможно — память о путешествиях, совершённых задолго до появления известных нам государств и народов.

Следующие страницы принадлежат человеку, который не знал этих сказаний и никогда не считал себя Путником. Он верил, что существует только один мир, подчиняющийся понятным законам. Он был офицером. Затем заключённым. А однажды оказался перед дверью, за которой заканчивались все привычные объяснения.

«Меня зовут Кристиан Маттиас Вирц…»

Пролог. Безымянное утро

* * *

1 мая 1940 года

Меня зовут Кристиан Маттиас Вирц.

Для Германии сегодня праздник. Для меня — очередное утро без имени.

О дате я догадался не по календарю. Календаря в моей камере не было уже несколько лет, да и потребность в нём исчезла гораздо раньше. Сначала я выцарапывал дни на нижней стороне нар, потом начал связывать их в недели, затем пытался считать месяцы по тому, как менялся холод каменных стен. Однажды я сбился и неожиданно понял, что ничего не потерял. Время важно тому, кто ждёт будущего. Я же давно был уверен, что моё будущее уместится между дверью, нарами и маленьким окном под потолком.

Сегодня дату подсказала музыка.

Она пришла с улицы ещё до рассвета: сначала едва слышный низкий гул, потом медь духового оркестра, короткие удары барабана и тяжёлый, удивительно ровный топот множества ног. Звук поднимался вдоль тюремной стены, проникал через узкое окно и терялся под сводами камеры. Я не видел шествия. Из моего окна можно было рассмотреть только полоску серого неба и верхний край соседней крыши. Но человеку не обязательно видеть колонну, чтобы понять, как она движется. В строевом шаге всегда есть особенная уверенность — будто земля заранее обязалась уступить дорогу.

Я лежал на спине и смотрел, как по потолку медленно ползёт бледное пятно света. В извести над головой расходилась трещина, похожая на реку на старой штабной карте. За годы заключения я успел изучить каждое её ответвление. Иногда мне казалось, что это единственная карта, по которой мне ещё позволено путешествовать.

Оркестр заиграл громче. В мелодии было что-то знакомое, и память без спроса вернула меня в август 1914 года.

Тогда музыка звучала почти так же. На мюнхенском вокзале пахло угольным дымом, цветами и свежей кожей ремней. Женщины протягивали солдатам букеты, дети бежали вдоль вагонов, а мужчины, которым предстояло уехать на фронт, улыбались так, словно отправлялись на короткие учения. Кто-то крикнул, что мы вернёмся к Рождеству. Ему ответили смехом и одобрительными возгласами. Не помню его лица. Помню только белую гвоздику, приколотую к серой форме, и то, как она дрожала от движения поезда.

К Рождеству вернулись немногие. Остальные встретили его в окопах, госпиталях или под землёй.

После войны оркестры стихли. Их место заняли очереди. Люди часами стояли за хлебом, углём, керосином и всем тем, что раньше казалось настолько обыкновенным, что никто не замечал его существования. В 1923 году деньги обесценивались быстрее, чем их успевали донести до лавки. Я видел, как мужчина получил жалованье утром, а к вечеру смог купить на него лишь несколько картофелин. Одна женщина принесла целую сумку банкнот и долго спорила с продавцом, потому что ещё вчера этих денег хватило бы на муку. На следующий день банкнотами уже подпирали ножку прилавка.

Тогда каждый спасал то немногое, что у него оставалось. Кто-то семью. Кто-то мастерскую. Кто-то собственную гордость. Кто-то просто сегодняшний ужин. Государства меняли речи, люди — обувь на хлеб, а зима всё равно наступала по расписанию.

Теперь за стенами снова играла музыка. Снова шли колонны. Снова громкоговоритель обещал порядок, величие и будущее, которое непременно окажется лучше прошлого. История, подумал я, любит повторять одну и ту же мелодию, меняя лишь слова. Сначала люди идут вслед за оркестром. Потом провожают на войну сыновей. Потом стоят в очереди за хлебом. Проходит несколько лет — и на площади снова появляется оркестр.

Впрочем, из одиночной камеры легко рассуждать о судьбах государств. Здесь человек особенно ясно видит большие закономерности, потому что совершенно не может повлиять даже на собственный завтрак.

Я повернул голову к двери. Обычно в это время в коридоре раздавались медленные шаги надзирателя, затем звякала задвижка, и под дверью появлялась металлическая миска. Чаще всего в ней была жидкая каша неопределённого происхождения. Иногда она оказывалась тёплой. В такие дни тюремную кухню можно было считать щедрой.

Я попытался угадать, чем государство отметит сегодняшний праздник. Возможно, каша будет немного гуще. Возможно, в ней даже встретится крупа. Человеку полезно сохранять надежду, если он не предъявляет к ней слишком высоких требований.

Но знакомого звона не последовало.

Вместо одного надзирателя по коридору шли несколько человек. Я различил три пары шагов. Двое ступали тяжело, привычно шаркая подошвами по камню. Третий шёл быстрее и легче; надзиратели невольно подстраивались под его шаг.

Привычка считать людей по шагам осталась со службы. Война заканчивается раньше, чем военные привычки покидают человека.

Шаги остановились у моей двери. Один за другим повернулись ключи. Сначала верхний замок, затем нижний, потом тяжёлая задвижка. Дверь открылась, впуская в камеру жёлтый свет коридорной лампы.

На пороге стояли двое надзирателей. За ними я увидел молодого человека в серой форме. Он держался прямо и старательно не смотрел мне в глаза.

— Заключённый Вирц. На выход.

Я сел на нарах и опустил ноги на холодный пол.

— Баня? — спросил я.

Надзиратель не ответил.

— Тогда, возможно, бритьё. Всё-таки праздник.

Молодой военный едва заметно пошевелил губами, но тут же вернул лицу положенную неподвижность. Надзиратель сделал шаг вперёд.

— Встать.

Я поднялся. После нескольких лет в одиночке человек учится не задавать вопрос дважды. Первый вопрос позволяет сохранить достоинство. Второй обычно ничего не меняет.

Мне надели наручники и вывели в коридор. Металл был холодным, хотя в тюрьме почти всё казалось холодным независимо от времени года. Дверь камеры закрылась за спиной. Я невольно оглянулся на неё и поймал себя на странной мысли: впервые за долгое время мне было не всё равно, вернусь ли я обратно.

Мы пошли по знакомому коридору, но на первом повороте свернули не к бане, не к прогулочному двору и не к кабинету начальника тюрьмы. Маршрут уходил в старое административное крыло, куда заключённых почти никогда не водили. Здесь стены были оштукатурены ровнее, лампы горели ярче, а сырой запах камер постепенно сменился запахом пыли, чернил и табачного дыма.

Я перебирал возможные объяснения. Перевод в другую тюрьму. Новый допрос. Пересмотр дела. Чья-то ошибка. Последний вариант казался самым правдоподобным: государственные учреждения нередко вспоминают о человеке лишь тогда, когда путают его с кем-то другим.

Мы поднялись по узкой лестнице и остановились перед деревянной дверью без таблички. Один из надзирателей постучал. Ответа не последовало. Он открыл дверь и подтолкнул меня внутрь.

Комната оказалась почти пустой. Посередине стоял тяжёлый стол с потёртыми краями, по одну сторону — обычный деревянный стул, по другую — низкое кресло с металлическим кольцом на подлокотнике. Окно закрывали плотные жалюзи. Между планками пробивались тон-

кие полосы дневного света, и в них медленно вращалась пыль. На стене висели часы. Секундная стрелка двигалась исправно, но каждый её щелчок звучал так громко, будто комната была частью часового механизма.

Меня посадили в кресло и пристегнули правый наручник к кольцу. Левую руку оставили свободной. Один надзиратель вышел, второй занял место у двери. Молодой военный остался у окна. Теперь я смог рассмотреть его внимательнее. Ему было не больше двадцати. Чистая форма ещё не успела принять очертания тела, сапоги блестели слишком старательно, а пальцы время от времени касались ремня возле кобуры. Во время прошлой войны он был ребёнком. Возможно, ещё не умел читать, когда мы с Фридрихом впервые поднялись в Альпы.

Я прогнал эту мысль. Она возникла сама, хотя до того утра имя Фридриха не приходило мне в голову несколько месяцев.

— Долго ждать? — спросил я.

Военный не ответил.

— Хорошо. Я умею.

Минутная стрелка прошла почти полный круг. За дверью несколько раз раздавались голоса, но слов разобрать не удавалось. Затем по коридору приблизились новые шаги. На этот раз молодой военный у окна выпрямился ещё сильнее. Надзиратель убрал руку за спину. По их движениям я понял, что идёт человек, перед которым они привыкли стоять по стойке смирно.

Дверь открылась.

Сначала вошли двое мужчин в серо-зелёной форме. Один нёс кожаную папку, другой — небольшой деревянный ящик. Они быстро осмотрели комнату и встали у стены. Последним вошёл высокий офицер в тщательно подогнанном кителе. На нём не было головного убора. Коротко остриженные волосы заметно поседели на висках. Лицо стало худее, скулы выступали резче, а возле глаз появились глубокие складки. Густые усы, которые я помнил по войне, исчезли. Без них рот казался строже, чем раньше.

Я узнал его прежде, чем успел поверить собственному зрению.

Форма принадлежала офицеру СС. На левом рукаве ниже орла виднелся чёрный ромб с буквами SD. Знаки различия соответствовали штурмбаннфюреру. Но ни новая форма, ни звание не могли скрыть привычной осанки и той особенной паузы перед первым словом, которую я помнил по Альпам.

Он посмотрел на меня долго и внимательно.

— Вирц…

На одно мгновение исчезли стол, жалюзи и человек у двери. Я увидел снег, оседающий на разбитые камни, и услышал тот же голос сквозь грохот артиллерии. Воспоминание было коротким, почти бесформенным. Оно оставило после себя только холод в груди.

Я машинально попытался подняться. Наручник звякнул о металлическое кольцо и вернул меня в комнату.

— Фридрих?

Он подошёл ближе. Теперь я заметил, что в правой руке он держит кожаные перчатки. Сняв одну, он положил её на стол. На кисти тянулся старый белый шрам — след спасения из-под каменного обвала, после которого меня ещё несколько суток спускали с гор, потеряв почти всё снаряжение. Этот шрам окончательно убедил меня в том, во что глаза всё ещё отказывались верить.

— Должен признаться, — сказал Фридрих, — я ожидал увидеть тебя в худшем состоянии.

— Я тоже многого ожидал сегодня утром. В основном завтрака.

Уголок его рта дрогнул.

— Значит, тюрьма не лишила тебя чувства юмора.

— Оно питается лучше меня.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я пытался соединить человека перед собой с капитаном, которого помнил. В Альпах иней собирался на его усах, а старая шинель всегда пахла дымом походной печи. Он редко повышал голос и никогда не требовал от людей того, чего не был готов сделать сам. Теперь на нём была другая форма, слишком аккуратная и властная для моих воспоминаний. Но глаза остались прежними: спокойными, внимательными, не позволяющими собеседнику спрятаться за первым ответом.

Фридрих посмотрел на наручник.

— Снимите.

Надзиратель у двери не двинулся.

— Господин штурмбаннфюрер, согласно распоряжению заключённый должен…

— За капитана Вирца отвечаю я.

Слово «капитан» прозвучало в этой комнате почти нелепо. На мне были тюремные брюки, грубая рубаха и ботинки, которые уже носил кто-то до меня. Но молодой военный у окна посмотрел на меня иначе.

Надзиратель подошёл и открыл наручник. На запястье осталась красная полоса. Я потёр её большим пальцем.

— Благодарю, господин капитан.

Фридрих коротко усмехнулся.

— Уже давно не капитан.

— Для меня вы остались им.

Он не ответил. Только отодвинул деревянный стул и сел напротив.

— Оставьте нас.

Надзиратель вышел первым. Двое сопровождавших офицеров остались у стены, но Фридрих взглянул на них, и через мгновение за ними тоже закрылась дверь. В комнате остались только мы и молодой военный у окна. Фридрих позволил ему остаться. Видимо, тот выполнял обязанности секретаря или связного.

— Какими судьбами? — спросил я. — Несколько лет обо мне никто не вспоминал. А сегодня ради меня нарушили расписание, оставили без завтрака и прислали офицера СС. Да ещё в праздничный день. Что произошло?

— Ничего, что можно объяснить одним предложением.

— У меня много времени.

— Именно поэтому я здесь.

Он положил ладонь на кожаную папку, которую оставили на столе.

— Формируется исследовательская экспедиция. Геологи, картографы, инженеры, археологи, врач и специалист по древним языкам. Им требуется вооружённое сопровождение и человек, способный принимать решения в условиях холода, изоляции и неизвестной местности.

— В Германии закончились солдаты?

— Солдат достаточно. Людей, которым я доверяю, значительно меньше.

Я посмотрел на его форму, потом снова на папку.

— Куда вы собираетесь отправить этих учёных?

Фридрих выдержал короткую паузу.

— В Антарктиду.

Секундная стрелка на стене продолжила отсчитывать время. Мне показалось, что я ослышался.

— В Антарктиду?

— Да.

— Нет, благодарю. Здесь хотя бы стены удерживают ветер.

— Я думал, тебе надоела камера.

— Надоела. Но мы успели хорошо узнать друг друга. С Антарктидой я даже не представлен.

Фридрих откинулся на спинку стула. Он явно ожидал подобной реакции.

— Это не обычное сопровождение. Я сам возглавлю безопасность группы. Мне нужен рядом человек, которого не придётся проверять каждое утро.

— И вы решили искать его в тюрьме.

— Я решил искать его там, где он оказался.

Ответ прозвучал спокойно, без жалости. За это я был ему благодарен. Жалость в тюрьме переносится тяжелее презрения.

— Почему я?

— Потому что ты умеешь действовать в горах. Потому что переносишь холод. Потому что сохраняешь ясную голову, когда другие начинают искать виноватых. И потому что я видел, как ты выполняешь обещание даже тогда, когда уже некому требовать его исполнения.

Я опустил взгляд на собственные руки. Кожа на костяшках огрубела, ногти были коротко обрезаны. Эти руки уже давно не держали ни карты, ни оружия.

— С тех пор прошло больше двадцати лет.

— Для доверия это не срок.

— Для человека — вполне.

— Поэтому я пришёл посмотреть на тебя сам.

Фридрих говорил как прежде: коротко и без лишней убедительности. В Альпах он никогда не обещал лёгкого перехода. Он просто показывал направление и первым ступал на тропу.

— Им нужен человек, исчезновение которого не вызовет вопросов, — продолжил он. — Ты давно выпал из жизни за этими стенами. Твоё имя осталось в тюремном деле, но почти нигде больше. Для операции такого уровня это удобно.

— Очень лестно.

— Я говорю о том, почему выбрали тебя они. Я выбрал тебя по другой причине.

Он наклонился вперёд.

— Им нужен человек, которого никто не станет искать. Мне нужен человек, которому я могу доверить свою жизнь.

Я хотел ответить шуткой, но не нашёл подходящей. Фридрих не отводил взгляда.

— Что находится в Антарктиде? — спросил я. — Ради чего во время войны туда отправляют археологов и лингвистов?

Вместо ответа он расстегнул ремень на кожаной папке.

Внутри лежали карты, несколько фотографий, машинописные листы и небольшой дневник в потемневшей кожаной обложке. Края обложки побелели от соли. На корешке не было названия. Медная застёжка покрылась зелёным налётом.

Фридрих придвинул дневник ко мне.

— Что ты видишь?

— Старую тетрадь.

— Хорошее начало.

Я осторожно открыл её. Бумага была плотной, местами вздувшейся от влаги. Записи сделаны карандашом и чернилами. Почерк менялся: на первых страницах он был аккуратным, почти чертёжным, ближе к концу строки уходили вверх, слова теснились и чаще перечёркивались. Я не знал норвежского, но различал даты, цифры и координаты. Между записями встречались зарисовки берегов, ледяных полей, скал и деталей какого-то сооружения.

На одной странице был изображён широкий каменный вход. По обе стороны от него поднимались колонны. Их пропорции напоминали античные, но капители имели странную вытянутую форму, а ступени были заметно выше человеческого шага. На следующем листе тяну-

лись ряды неизвестных знаков. Некоторые отдалённо походили на латинские буквы, другие — на греческие, но ни одна строка не складывалась в знакомое слово.

Рядом с дневником лежал немецкий перевод.

— Его звали Эйнар Хальворсен, — сказал Фридрих. — Норвежец. Штурман и помощник картографа на китобойном судне. В 1935 году их корабль попал в тяжёлые льды у Земли Королевы Мод. Небольшая группа высадилась на берег, чтобы уточнить положение судна и найти безопасный проход. Хальворсен вёл личный журнал, а не официальный отчёт. Эти записи он делал для себя.

— И нашёл руины?

— Сначала он нашёл открытую воду там, где её не должно было быть. Затем заметил, что воздух становится теплее. По его измерениям температура изменилась на несколько десятков градусов за один переход. Он проверил термометр трижды. Вода возле берега тоже оказалась значительно теплее окружающего моря.

Я перелистнул несколько страниц. Среди цифр были нарисованы капли воды, стрелки ветра и повторяющиеся отметки времени. Хальворсен явно пытался доказать самому себе, что приборы исправны.

— Геотермальная активность, — сказал я. — Подводный вулкан. Горячие источники.

— Так решили и мы.

— А каменные сооружения?

— Скалы, разрушенные морозом. Ошибка восприятия. Возможно, галлюцинации от холода и усталости. Мы рассмотрели все разумные объяснения.

— И всё же построили базу.

Фридрих впервые позволил себе улыбнуться чуть заметнее.

— Потому что проверка не опровергла журнал.

Он достал фотографии.

Первые снимки были сделаны с воздуха. На них тянулась белая, почти лишённая деталей равнина. Затем среди льда появлялось тёмное пятно открытой воды. На следующем снимке проступал каменный берег, частично скрытый туманом. Я взял фотографию ближе к свету. У самой кромки воды виднелись несколько вертикальных линий. Слишком ровных и одинаковых для обычных скал.

На обороте стояла дата: январь 1939 года.

— Немецкая антарктическая экспедиция, — сказал Фридрих. — Официально она занималась картографией, метеорологическими наблюдениями и поиском районов для китобойного промысла. Неофициально один из самолётов получил дополнительные координаты.

— Координаты Хальворсена.

— Да. Лётчики обнаружили открытую воду, участок свободной ото льда земли и геометрические формы на берегу. Позже туда направили небольшую разведывательную группу.

Он развернул карту. На белом побережье был отмечен узкий залив. Рядом с ним стоял красный крест и несколько карандашных пометок.

— Залив защищён скалами. Вода в нём не замерзает полностью даже зимой. За последние месяцы там оборудовали причал, радиостанцию, склады, жилые модули и небольшой исследовательский блок. Объект получил кодовое название «Горизонт».

Название показалось мне странно спокойным для места, о котором рассказывали в запертой комнате.

— Если вы подтвердили координаты, высадились и построили станцию, зачем нужна ещё одна экспедиция?

Фридрих открыл дневник ближе к концу и указал на подчёркнутую запись. Я взял перевод.

«Каменные ступени уходят под землю. Воздух там иной — влажный и тёплый. Звуки возвращаются неправильно. Я спустился достаточно глубоко, чтобы понять: дальше идти нельзя. Тишина стала почти осязаемой. Я повернул назад».

Под текстом стояла короткая дата. Следующая страница была пустой.

— Разведывательная группа дошла до тех же руин, — сказал Фридрих. — Вход существует. Ступени тоже. Но у людей не было ни оборудования, ни специалистов, чтобы продолжать. Их задачей было подтвердить место и обеспечить возможность вернуться.

— Значит, теперь вы хотите спуститься.

— Мы хотим понять, что именно обнаружил Хальворсен. Археологи исследуют сооружения. Геологи проверят породу и источник тепла. Инженеры оценят проход. Лингвист займётся надписями. Врач будет следить за состоянием группы. Я отвечаю за то, чтобы все вернулись.

— А я?

— Ты будешь рядом со мной. Если придётся разделить группу, одна часть останется под твоим командованием.

Я снова посмотрел на фотографию. Туман над тёмной водой казался почти нарисованным. Белая пустыня окружала его со всех сторон, будто сама природа пыталась спрятать небольшой участок земли.

— Один человек мог ошибиться, — сказал я. — Два прибора могли выйти из строя. Фотографии можно неверно истолковать. Но вы уже видели это своими глазами?

— Нет. Поэтому я еду.

В этом ответе было больше убедительности, чем во всех документах.

Я закрыл дневник.

— Предположим, я соглашусь. Что произойдёт с моим сроком?

— На время операции тебя переведут под военную юрисдикцию. Если экспедиция завершится успешно, оставшаяся часть наказания будет снята. Ты получишь новые документы, денежное содержание и возможность начать жизнь заново. В другом городе, под другим именем, если пожелаешь.

— Государства часто забывают обещания, данные людям вроде меня.

— Я обещаю это не от имени государства.

Фридрих положил ладонь на закрытый дневник.

— Я обещаю от своего имени.

Я посмотрел на шрам на его кисти. За всю войну он ни разу не обещал человеку того, чего не мог выполнить. Именно поэтому его обещания всегда звучали тяжелее приказов.

— А если я откажусь?

— Тебя проводят обратно в камеру. Сегодняшний разговор не будет иметь последствий. И никогда не существовал.

— Очень утешительно.

— Я не пришёл уговаривать тебя, Кристиан. Я лично поручился за тебя. Если ты нарушишь приказ, исчезнешь или подвергнешь группу опасности, отвечать буду и я. Поэтому не принимай моё предложение за милосердие. Ты нужен мне для работы.

— Опасной?

— Мы идём в место, о котором почти ничего не знаем.

— Ты сказал: «если экспедиция завершится успешно».

— Да.

— Не «когда мы вернёмся».

Фридрих не отвёл глаз.

— Я не стану лгать человеку, которого собираюсь взять с собой.

За жалюзи снова донеслась музыка. Оркестр уже удалялся, и мелодия распадалась на отдельные звуки. Я подумал о камере, где меня ожидали трещина на потолке, холодные нары

и, возможно, уже остывшая миска каши. Всё это было знакомым. Антарктида не была знакома ничем.

Но впервые за много лет неизвестность показалась мне не угрозой, а направлением.

— Сколько человек в группе? — спросил я.

— Двенадцать в основном составе. Несколько солдат охраны останутся на станции.

— Кто отвечает за снабжение?

— Инженер по фамилии Келлер.

— Продолжительность выхода?

— Семь дней по первоначальному плану. Запасов возьмём на две недели.

— Связь с базой?

— Радиостанция и сигнальные ракеты. Под землёй связь, вероятно, работать не будет.

Фридрих внимательно посмотрел на меня.

— Ты ещё не дал ответа.

— Если бы ответ был отрицательным, я бы не спрашивал о запасах.

Он медленно кивнул.

— Тогда добро пожаловать обратно на службу, капитан Вирц.

— Когда отправляемся?

— Подготовка начнётся завтра. Через три дня поезд доставит нас в северный порт.

Я открыл дневник Хальворсена ещё раз и посмотрел на рисунок ступеней, уходящих в темноту.

Утром я ждал завтрак. К полудню согласился отправиться на край света. Иногда жизнь меняется не громким решением, а вопросом, заданным слишком поздно, чтобы отступать.

* * *

2 мая 1940 года

Как оказалось, в одном я всё-таки угадал: меня действительно собирались вымыть, побрить и переодеть. Я ошибся лишь в причине.

Утром двое надзирателей отвели меня не в общую баню, а в небольшое помещение при тюремной лечебнице. Вода в медном баке была настолько горячей, что первые секунды причиняла боль. Я стоял под ней, пока кожа не покраснела, и смотрел, как с тела стекает сероватая пыль камеры. Казалось, вместе с ней исчезает запах сырого камня, въевшийся в меня за годы заключения.

Мне выдали новое лезвие и маленькое зеркало. Человек в зеркале оказался старше того, которого я помнил. Щёки впали, возле рта появились две глубокие линии, в волосах над ушами проступила седина. Но взгляд не изменился. Возможно, именно он удерживал лицо от окончательного превращения в лицо заключённого.

После бритья меня осмотрел военный врач. Он долго слушал лёгкие, проверил зрение, рефлексы и подвижность суставов. Особое внимание уделил старой ране. Пальцы врача нажали на рубец под рёбрами, и боль отозвалась тупо, словно пришла из другого времени.

— Беспокоит? — спросил он.

— Перед дождём.

— В Антарктиде дождь бывает редко.

— Значит, мы нашли лечение.

Он не улыбнулся, но записал что-то в карточке.

Тюрьма сделала меня худее и отняла прежнюю выносливость. Но совсем ослабнуть я себе не позволил. Каждое утро я приседал возле нар, отжимался от каменного пола и подтягивался на краю оконной решётки. Не ради здоровья. Физические упражнения были единственной частью распорядка, которая зависела от меня. Врач велел пройти по коридору, поднять ящик с песком и несколько раз повторить движения. После этого признал меня годным с оговоркой о старой травме.

Днём принесли одежду. Тёплое бельё, шерстяную рубашку, брюки, полевой китель без знаков различия и тяжёлые ботинки. Новая ткань казалась непривычно мягкой. Я провёл ладонью по рукаву и вспомнил, как когда-то впервые надел офицерскую форму. Тогда она означала начало службы. Теперь — конец заключения, который ещё не наступил окончательно.

В соседней комнате на столе лежало оружие. Карабин, пистолет, запасные магазины, нож и элементы альпинистского снаряжения. Молодой унтер-офицер назвал порядок проверки, но замолчал, увидев, как мои руки сами открыли затвор, осмотрели патронник и проверили движение механизмов.

Оружие оказалось тяжелее, чем я помнил. Или мои руки стали легче. Но последовательность действий сохранилась без единой ошибки.

— Давно служили? — спросил унтер-офицер.

— Достаточно давно, чтобы забыть, как это называется. Недостаточно давно, чтобы забыть, как работает.

Он впервые посмотрел мне в лицо, а не на сопровождавшего надзирателя.

Позже мне вернули личные вещи. Они лежали в небольшом картонном конверте: остановившиеся карманные часы, старый военный жетон и маленький серебряный крест. Часы не шли. Стрелки остановились без четверти три — не знаю, в день ареста или гораздо позже, в тюремном хранилище. Я всё равно положил их в карман. После нескольких лет без времени сам факт, что когда-то оно принадлежало мне, казался достаточной причиной сохранить их.

К часам выдали наручные, служебные. Их я сразу сверил с часами над дверью. Старые убрал глубже: одни предстояло использовать, другие — просто сохранить.

Крест потемнел. Я протёр его большим пальцем и надел под рубашку. Металл сначала был холодным, затем согрелся от кожи.

До вечера я подписывал бумаги. В каждой повторялись слова «секретность», «особый режим», «военная юрисдикция» и «неразглашение». Моё имя переносили из одного списка в другой, пока оно не превратилось в набор букв рядом с номером операции. Фридрих присутствовал молча. Когда последний документ был подписан, он протянул мне чистую тетрадь в плотной серой обложке.

— Полевой журнал. Записывай всё, что сочтёшь необычным. Даже если это противоречит показаниям приборов.

— С каких пор армия интересуется ощущениями?

— С тех пор как приборы начали противоречить друг другу.

Я посмотрел на тетрадь.

— Её будут читать?

— После возвращения — да.

— Тогда постараюсь не писать ничего о тюремной кухне.

— Напротив. Пиши честно. Нам нужен твой взгляд, а не ещё один отчёт.

Вечером меня разместили в небольшой комнате административного корпуса. Дверь закрывалась снаружи, но на окне не было решётки. На столе стояла лампа, рядом лежали тетрадь, карандаш и тарелка с хлебом, сыром и холодным мясом. Я долго смотрел на еду, прежде чем прикоснуться к ней. После тюремной каши обычный хлеб имел почти забытый вкус.

Так появилась первая запись. Я начал её со вчерашнего утра, пока ещё помнил каждую мелочь. Если эти страницы когда-нибудь найдёт другой человек, он должен знать, откуда началась дорога. Она началась не у моря и не среди льдов. Она началась с пропущенного завтрака и двери, которая открылась не по расписанию.

* * *

3 мая 1940 года

Сегодня я впервые увидел остальных участников экспедиции. Нас собрали в закрытом дворе за административным корпусом. Небо было низким, после ночного дождя камни блестели, а воздух пах мокрой известью, бензином и древесиной раскрытых ящиков.

Учёных можно было отличить от военных ещё до знакомства. Военные стояли возле своего снаряжения и ждали приказа. Учёные уже открывали ящики, проверяли приборы, спорили о весе и пытались выяснить, почему один комплект образцов упакован отдельно от другого.

Высокий мужчина в очках осторожно перебирал геологические молотки и пробирки. Рядом молодой человек с тёмными волосами держал папку с копиями надписей Хальворсена так бережно, словно в ней находился не перевод, а сами руины. Археолог — сухощавый, с длинными пальцами — проверял измерительную ленту и листы кальки. Врач наблюдал не за ящиками, а за людьми. Он запоминал, кто кашляет, кто прихрамывает и кто пытается скрыть усталость.

Они ещё не знали, кто я. Кто-то принял меня за офицера снабжения, кто-то — за очередного охранника. Я не стал их разубеждать. Человека полезно сначала увидеть в тот момент, когда он не знает, что за ним наблюдают.

Фридрих появился ровно в назначенный час. Он прошёл вдоль ящиков, задавая короткие вопросы, и ни разу не сверился со списком. Всё необходимое уже находилось у него в памяти. Возле моего снаряжения он остановился.

— Ботинки?

— Подходят.

— Рана?

— Пока не возражает.

— Оружие?

— Исправно.

Он кивнул и двинулся дальше. Для остальных этот разговор ничего не значил. Для меня он был знакомым ритуалом. В Альпах Фридрих обходил позиции точно так же: никогда не спрашивал, готов ли человек. Он спрашивал о вещах, из которых готовность складывается.

После проверки нам выдали дорожные документы без указания конечного пункта. В моём удостоверении не было слова «заключённый». Под фотографией стояло прежнее имя и новое назначение: сотрудник экспедиционной службы. Я несколько раз перечитал строку. Бумага весила не больше нескольких граммов, но держать её было непривычно тяжело.

До отправления оставалась одна ночь. Я думал, что буду бояться. Вместо страха пришло раздражение оттого, что я не знаю достаточно. Возможно, это и было возвращением к прежней жизни: заключённый ждёт, что с ним сделают; офицер пытается понять, что предстоит сделать ему.

* * *

4 мая 1940 года. Ночь

Утром я прошёл по тюремному коридору в последний раз.

Теперь на мне была полевая форма без знаков различия. Наручников не было. Надзиратель шёл на два шага позади, будто ещё не решил, кем меня считать. Из камер доносились обычные звуки: кашель, движение мисок, скрип нар, редкие голоса. За одной из дверей кто-то негромко насвистывал вчерашнюю праздничную мелодию.

Мы миновали мою камеру. Я узнал дверь по царапине возле нижнего замка. На мгновение захотелось остановиться, но я продолжил идти. Внутри остались нары, трещина на потолке и миска, которую, вероятно, уже отдали другому заключённому. Камера не прощалась со мной. Тюрьмы вообще не умеют прощаться. Они просто закрывают одну дверь и ждут следующего человека.

Во внешнем коридоре Фридрих уже ждал. На нём было длинное серое пальто, перчатки и фуражка. Он посмотрел на меня, затем на часы.

— Готов?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Человек, уверенный, что готов к Антарктиде, опаснее человека, который сомневается.

Тяжёлая внешняя дверь открылась.

Свет ударил в глаза. Я остановился на пороге и несколько секунд ничего не видел. Затем проступили мокрый камень двора, тёмный автомобиль у ворот и небо — огромное, бледное, не ограниченное оконной рамой. После камеры оно казалось почти неправильным. Я невольно поднял голову выше и почувствовал лёгкое головокружение.

Воздух пах дождём, угольным дымом и молодой листвой. Я сделал глубокий вдох. Свежий воздух не принёс ожидаемого облегчения. Он оказался слишком резким, слишком наполненным запахами. Мир за стенами продолжал жить всё это время и не заметил моего отсутствия.

На улицах ещё висели праздничные флаги. Ветер шевелил мокрую ткань. Рабочие разбирали ограждения, дети подбирали с мостовой бумажные ленты, а редкие прохожие спешили по своим делам. Вчера я слышал этот город через камень. Сегодня смотрел на него из окна автомобиля и чувствовал себя гостем в месте, где когда-то жил.

Фридрих сел рядом. Двое молодых сопровождающих заняли места впереди. Машина тронулась. Тюремная стена медленно ушла назад, затем скрылась за домами.

— Не передумал? — спросил Фридрих.

— Пока нет. Но Антарктида ещё не успела высказать своё мнение.

— У неё будет такая возможность.

На вокзал мы прибыли до полудня. Для нашей группы выделили отдельный вагон в конце состава. Учёные уже размещали чемоданы и ящики. Солдаты проверяли замки грузового отделения. Никто не разговаривал громко. На перроне не было провожающих, цветов и оркестра. Это путешествие начиналось совсем не так, как моя первая война.

Когда поезд двинулся, я ожидал почувствовать радость. Вместо неё пришла тишина. Колёса мерно ударяли по стыкам рельсов. За окном проплывали окраины, склады, мокрые поля и небольшие станции. Люди поднимали головы на проходящий состав, не зная, кто находится внутри и куда мы направляемся.

К вечеру разговоры стихли. Фридрих сидел напротив, положив кожаную папку на колени. Он уснул ненадолго, но даже во сне его ладонь оставалась на ремне папки. Дневник Хальвор-

сена лежал на столике рядом со мной. Я несколько раз открывал его на последней странице и снова читал перевод.

«Я спустился достаточно глубоко, чтобы понять: дальше идти нельзя».

Не знаю, чего он испугался. Воздуха, тишины, темноты или собственной уверенности в том, что за следующим поворотом его ждёт нечто необъяснимое. Возможно, скоро я пойму.

За окном давно стемнело. Поезд продолжает идти на север, к порту, название которого нам пока не сообщили. Оттуда мы отправимся морем, затем пересядем на другое судно. Дальше на карте остаётся только белое пространство.

Сегодня утром я окончательно покинул тюрьму. Несколько дней назад на её месте находилось всё моё будущее. Теперь оно движется вместе с этим поездом — сначала на север, а затем на юг, к краю света.

Завтрак первого мая я так и не получил. Вместо него мне вернули форму, оружие, имя и чистую тетрадь. Странный способ вернуть человеку свободу.

Я не знаю, что ждёт нас в Антарктиде. Не знаю, вернусь ли. Но впервые за много лет мне интересно, каким будет завтрашнее утро.

Глава I. Горизонт

* * *

17 июня 1940 года

На подводной лодке человек довольно быстро перестаёт различать часы и начинает различать звуки.

За четыре дня я выучил их почти все. Глухой тяжёлый рокот дизелей означал, что лодка идёт по поверхности. Более ровное, приглушённое гудение электродвигателей — что над нами снова толща воды. Короткий звон, пробегающий по трубам, возвещал очередную команду из центрального поста. Двойной удар металла о металл заставлял матросов двигаться быстрее, хотя мне никто не объяснял, что именно он означает.

Впрочем, пассажиру на военном корабле полезно знать ровно столько, сколько требуется, чтобы не стоять на дороге.

Нас разместили в носовом отсеке среди запасных коек, ящиков и предметов, назначения которых я не понимал. Свободного места едва хватало, чтобы повернуться боком. Повсюду проходили трубы, кабели и вентили. Некоторые были окрашены, другие носили таблички с цифрами. Над верхними койками собирался конденсат. Капли медленно росли на холодном металле, затем срывались вниз — обычно на того, кому наконец удавалось заснуть.

Воздух состоял из дизельного топлива, машинного масла, влажной одежды, человеческого пота и слабого кислого запаха аккумуляторов. Через сутки все эти запахи перестали существовать отдельно и превратились в один — запах подводной лодки. Он въелся в волосы, одежду и, как мне казалось, даже в пищу.

Личный состав двигался по узким проходам с такой естественностью, будто люди родились между переборками. Они пригибали голову за мгновение до низкой трубы, переступали через порог герметической двери, не глядя под ноги, и умудрялись разойтись там, где двум обычным людям не хватило бы места даже для спора. Мы же, сухопутные, первые часы цеплялись ремнями за выступы, били плечи и всякий раз оказывались именно там, где требовалось пройти матросу.

Молодой лингвист дважды ударился головой об одну и ту же трубу. После второго раза он приклеил к ней полоску белой бумаги. Это не помогло. На следующий день бумага отклеилась от сырости, а труба осталась на месте.

Я спал плохо. Не потому, что боялся воды. Для страха требовалось представить толщу океана над головой, а воображению здесь мешала теснота. Мир сжимался до ближайшей лампы, края койки и лица человека напротив. Океан существовал лишь как давление на корпус — редкие сухие щелчки, от которых металл будто ненадолго вспоминал, что он тоньше воды.

Фридрих переносил дорогу спокойнее остальных. Он мог спать при работающих дизелях и просыпался за несколько секунд до команды. Время от времени его приглашали в центральный пост. Возвращался он с тем же выражением лица, с каким когда-то возвращался от полкового начальства: ничего не объяснял, но по тому, как снимал перчатки, можно было догадаться, хорошие новости он принёс или плохие.

Этим утром — если его можно было назвать утром — он вернулся, сел напротив меня и посмотрел на часы.

— Скоро прибудем.

Я отложил карандаш.

— Сколько осталось?

— Около двух часов.

— Два настоящих часа или два часа подводника?

— А между ними есть разница?

— На суше час заканчивается. Здесь он только уступает место следующему.

Фридрих едва заметно улыбнулся. Затем взгляд его стал серьёзнее.

— Последний участок пройдём под водой. Когда всплывём, выполняй указания команды и не задерживайся на мостике. В гавани сильный боковой ветер.

— Гавань?

— Увидишь.

Он поднялся, пригнулся под трубой и исчез за переборкой.

Через несколько минут дизели замолчали. Их остановка подействовала сильнее любой тревоги. В отсеке сразу стали слышны вентиляция, шорох одежды, дыхание людей и тонкое потрескивание корпуса. Затем вступили электродвигатели. Лодка слегка накренилась, нос ушёл вниз.

Кто-то из учёных крепче ухватился за край койки. Матрос, проходивший мимо, даже не изменил шага.

Я посмотрел на лица остальных. За время пути мы успели привыкнуть друг к другу, но ещё не стали группой. Каждый жил внутри собственной задачи. Геолог хранил возле койки футляр с приборами и проверял его замки всякий раз, когда лодку качало. Археолог берёг рулоны кальки. Врач наблюдал за тем, кто хуже переносит духоту. Молодой лингвист продолжал читать копии надписей Хальворсена, хотя свет красной лампы превращал чернила в тёмные пятна.

Никто не задавал вопросов. Возможно, вопросы у всех были одинаковые, а потому не имело смысла произносить их вслух.

Лодка шла медленно. Несколько раз скорость почти исчезала, затем возвращалась. Над головой раздавались осторожные шаги. Из центрального поста доносились короткие команды, повторяемые без лишних слов. Я не видел пути, но по поведению экипажа понимал: проход был узким и хорошо знакомым только тем, кто уже бывал здесь.

Наконец корпус выровнялся. Электродвигатели стихли. Последовала команда, и где-то наверху с тяжёлым скрежетом открыли люк.

В отсек ворвался воздух.

Он был настолько холодным и чистым, что первый вдох причинил боль. После четырёх дней под металлом мне показалось, будто лёгкие разучились принимать что-либо, кроме масла и чужого дыхания.

Матросы поднялись первыми. Затем начали вызывать нас — по двое, с вещами. Очередь двигалась медленно. Я слышал над головой свист ветра, удары тросов и голоса снаружи. Оттуда же доносился другой звук: плеск воды о борт.

Когда подошла моя очередь, я протиснулся через люк и поднялся по узкой лестнице. Ветер ударил в лицо раньше, чем я успел выпрямиться.

Я ожидал увидеть белую пустыню. Вместо неё увидел чёрную воду.

Подводная лодка находилась внутри узкой каменной бухты. Высокие тёмные стены закрывали её с трёх сторон, оставляя со стороны моря проход, настолько тесный и изломанный, что снаружи его легко было принять за очередную трещину в береговой линии. По воде плыли редкие пластины льда. Они медленно вращались, сталкивались краями и уходили к скалам, но сама гавань оставалась свободной.

Над бухтой стояла ночь. Не обычная ночь, за которой через несколько часов приходит рассвет, а плотная антарктическая темнота. Низкие облака почти касались скал. Снег, поднятый ветром, летел вдоль воды и на мгновение вспыхивал в лучах прожекторов, прикрытых сверху металлическими козырьками.

Справа тянулся деревянно-металлический причал. На нём уже ждали люди в белых маскировочных куртках. Двое принимали швартовы, ещё несколько подкатили низкую тележку для груза. За ними угадывались кран, складские навесы и крыши построек, прижатых к основанию скалы.

Света было мало. Лампы прикрывали металлические козырьки, направляя лучи вниз. Ни одного открытого окна. Ни одного флага. База словно заранее отказалась от права быть замеченной.

— Вирц!

Я обернулся. Фридрих стоял у ограждения рубки, придерживая фуражку рукой.

— Не задерживайся!

— Я только пытаюсь понять, где кончается море.

— Здесь это не самый важный вопрос.

Матрос за моей спиной выразительно кашлянул. Я спустился на палубу, дождался, когда лодку подтянут к причалу, и перешагнул на мокрые доски.

Земля под ногами продолжала двигаться.

Я остановился на мгновение, проверяя равновесие. Причал был неподвижен, но тело отказывалось верить. После тесных отсеков пространство казалось слишком большим, воздух — слишком холодным, а тишина между порывами ветра — почти оглушительной.

Первым чувством было облегчение. Вторым — желание немедленно оказаться где-нибудь, где не пахнет соляркой. Третьим пришло раздражение: мой вещевой мешок уже исчезла в руках грузчика, а я не успел заметить, куда её понесли.

— Наконец-то суша, — сказал я Фридриху, когда он подошёл.

— Это причал.

— После подводной лодки я готов считать материком всё, что не качается.

Он посмотрел на мои ноги.

— Судя по твоей походке, качается.

— Это временное разногласие между мной и землёй.

Фридрих указал на человека, стоявшего возле контрольного стола. Тот был в тёмном морском бушлате поверх белого зимнего костюма. Седина на висках блестела от снега. Он поочерёдно сверял лица со списком, не доверяя работу подчинённым.

— Корветтен-капитан Вильгельм Кёлер, начальник базы, — тихо сказал Фридрих. — Здесь его приказ выше любого другого, пока речь идёт о гавани, гарнизоне или связи.

— А когда речь пойдёт о том, ради чего мы сюда приехали?

— Тогда приказы буду отдавать я.

— Удобное разделение.

— Оно перестанет казаться удобным, если что-нибудь произойдёт.

Кёлер дошёл до моей фамилии, поднял глаза и задержал взгляд чуть дольше, чем на остальных. Вероятно, он знал, откуда меня привезли. Или просто умел замечать людей, которых следовало запомнить.

— Кристиан Маттиас Вирц?

— Да.

Он поставил отметку.

— Капитан?

Я посмотрел на Фридриха.

— Так утверждают мои новые документы.

Кёлер не улыбнулся.

— На «Горизонте» документы редко утверждают больше, чем требуется. Ваш пропуск получите после осмотра. Оружие сдадите дежурному до отдельного распоряжения. Брифинг в семь ноль-ноль.

Он протянул список следующему офицеру и уже собирался отвернуться, но добавил:

— За пределами гавани температура сегодня минус двадцать семь. Внутри бухты — минус девять. Не принимайте это за гостеприимство.

Только после этих слов я заметил, что холод действительно был не таким, какого следовало ожидать. Ветер обжигал лицо, снег хрустел под сапогами, но вода у причала оставалась открытой. От неё поднимался лёгкий пар, сразу уносимый в темноту.

Бухта была первым доказательством того, что дневник Хальворсена не преувеличивал.

* * *

От причала к базе вёл крытый проход, собранный из металлических секций и укреплённый деревянными распорками. Между ним и скалой оставили узкий проезд для грузовых тележек. Рельсы уходили в темноту, к двум воротам, почти полностью скрытым снежной насыпью.

Пока матросы перегружали ящики, нас повели к пропускному пункту. Фридрих шёл рядом. Остальные растянулись позади, стараясь не поскользнуться на обледеневших досках.

— Насколько велика база? — спросил я.

— Больше, чем кажется с воды. Меньше, чем требуется людям, которые здесь работают.

— Сколько их?

— Вместе с экипажами, строителями и сменой охраны — около ста шестидесяти. Число постоянно меняется. Зимой людей меньше.

Я взглянул на тёмные крыши.

— Кто успел построить всё это в такой срок?

— После воздушной разведки тридцать девятого года залив обследовали с моря ещё до наступления зимы. Первую наземную группу направили сюда в ноябре. Затем прибыли инженеры, военные строители и те, кому было приказано не задавать вопросов.

— Кто платит?

— Военно-морское ведомство обеспечивает доставку и гавань. Специальное исследовательское управление — лаборатории и экспедиции. Оборудование проходит через десятки отдельных заказов. Одни узлы изготовлены в Киле, другие — в Гамбурге, Берлине, Мюнхене и Вене. Ни один подрядчик не знает, для чего предназначена вся система.

— Значит, официально база существует частями.

— Официально она вообще не существует.

— Удобный способ не превышать расходы.

— Напротив. Удобный способ не объяснять их.

Мы вышли из прохода к небольшому внутреннему двору. Здесь ветер почти исчез. С трёх сторон двор окружали низкие корпуса с покатыми крышами. Часть стен была бетонной, часть — обшита гофрированным металлом. Снег доходил до середины окон и делал здания ещё ниже. Между ними тянулись закрытые переходы. Над крышами поднимались две радиомачты, растяжки которых терялись в темноте.

Слева гудела генераторная. Тёплый воздух выходил из решёток и тут же превращался в белый пар. Рядом, за двойным ограждением, стояли цилиндрические баки, частично укрытые камнем и снегом. Справа находился склад с широкими воротами. Люди разгружали ящики, не произнося ни слова громче необходимого.

Я машинально отметил два наблюдательных поста, позиции прожекторов и единственную открытую линию между двором и причалом. Пулемётные точки были устроены так, чтобы перекрывать проход со стороны воды и внешний склон. У караульных имелись укрытия от ветра, телефон и запасные патронные ящики. Но тяжёлых укреплений я не увидел.

База могла остановить небольшую высадку. Против настоящего нападения она не продержалась бы долго. Её защищали не стены. Её защищало расстояние, ночь и уверенность остальных государств в том, что здесь нечего искать.

— Ну? — спросил Фридрих. Он заметил, как я рассматриваю периметр.

— Дисциплина хорошая. Подход с моря перекрывается. С суши слишком много слепых участков, но в такую погоду по ним никто не пройдёт без проводника. Склады топлива расположены разумно. Если загорится один, жилой корпус уцелеет.

— А если нападут?

— Значит, секрет уже потерян и оборонять будет нечего.

Фридрих коротко кивнул. Мне показалось, именно этот ответ он хотел услышать.

По двору двигались люди. Моряки в тяжёлых бушлатах толкали тележку с баллонами. Двое механиков, чьи комбинезоны были одинаково покрыты маслом, несли между собой разобранный насос. Из соседнего корпуса вышла женщина в белом халате, накинутом поверх шерстяного свитера, прижала к груди металлический контейнер и почти бегом пересекла переход. За ней спешил лаборант с папкой, закрывая листы от снега ладонью.

Я ожидал увидеть удивление при виде новых людей. Никто не остановился. На нас бросали короткие взгляды и сразу возвращались к работе. Здесь давно отвыкли считать прибытие событием.

Возле дальней стены стояли ещё одни ворота. В отличие от остальных, перед ними находился отдельный пост, а на ограждении висела красная табличка без надписи — только номер сектора. Часовой проверял пропуск каждого, даже если узнавал человека в лицо.

Я задержал взгляд.

— Что там?

— Исследовательский блок и хранилище, — ответил Фридрих.

— Хранилище чего?

— Того, что уже нашли.

— А нашли много?

— Достаточно, чтобы поставить второго часового.

Он не добавил больше ничего. Я тоже не спросил. Перед воротами стояли двое вооружённых людей, но никто из проходивших мимо даже не поворачивал головы. Такой порядок не устанавливается за один день. Люди либо привыкли не замечать закрытый сектор, либо хорошо знали цену любопытства.

Главный вход оказался двойным. За первой дверью нас заперли в небольшом тамбуре, дождались, пока закроются наружные створки, и только затем открыли внутренние. Тёплый воздух ударил в лицо запахом металла, влажной шерсти, дезинфицирующего раствора и варёной капусты.

После подводной лодки даже запах капусты казался признаком цивилизации.

В коридоре было тесно, но не хаотично. Вдоль стен шли трубы отопления и связки кабелей. Через каждые несколько метров висели таблички с номерами помещений. На перекрёстках — схемы с цветными линиями. Красная вела к медицинскому блоку, синяя — к радиорубке, чёрная — к складам и мастерским. Некоторые направления обозначались только цифрами.

Пол представлял собой металлический настил. Под ним что-то непрерывно вибрировало. По потолку проходила дрожь генераторов, настолько ровная, что через минуту переставала замечаться.

Нас провели в помещение регистрации. Здесь пришлось сдать оружие, расписаться в журнале, получить номерной пропуск и ещё раз назвать фамилию человеку, перед которым уже лежал список с нашими фамилиями. Государство могло спрятать базу от всего мира, но не могло отказаться от трёх экземпляров одной и той же бумаги.

Мой пропуск был серым, с жёлтой полосой по краю. На нём стояли имя, фотография, номер жилого блока и две буквы, значения которых мне не объяснили.

— Красная полоса — исследовательские помещения, — сказал дежурный. — Белая — технические. Чёрная — командование. Ваш пропуск действует только в жилом, административном и общем секторах. Для остальных требуется сопровождение.

— А жёлтая?

— Жёлтая означает, что вы недавно прибыли.

— Чтобы каждый мог вовремя спрятать секреты?

Он поднял глаза, не понимая, шучу я или нет.

— Чтобы каждый мог вовремя проверить ваш пропуск.

Ответ мне понравился.

После регистрации последовал медицинский осмотр. Молодой санитар измерил температуру, послушал дыхание и долго изучал список прививок. Затем попросил снять рубаху. Холодный металл стетоскопа коснулся груди.

— Глубокий вдох.

Я вдохнул.

— Ещё раз.

— Если вы хотите убедиться, что после подводной лодки внутри меня остался воздух, то я и сам пока не уверен.

Санитар не улыбнулся. Возможно, на «Горизонте» медицинская служба тоже работала по уставу.

Он отметил старые шрамы и задержался возле следа на боку.

— Осколок?

— Камень.

— В бою?

— В Альпах разница была небольшой.

Мне выдали таблетку от головной боли, велели пить больше воды и предупредили, что первые сутки после моря может сохраняться ощущение качки. Это было единственное распоряжение за весь день, которому я собирался следовать без возражений.

Сопровождающий показал столовую, санитарный блок, комнату связи и жилой коридор. Всё остальное он обозначал одним и тем же движением руки: туда — только по допуску, сюда — после приказа, за этой дверью — технический сектор.

Моя комната находилась почти в конце коридора. Железная кровать, тонкий матрас, шерстяное одеяло, небольшой стол, табурет и шкафчик с замком. Под потолком — узкое окно, снаружи закрытое ставней. По стене проходила труба отопления. Возле неё уже сушилась пара чьих-то перчаток, оставленных предыдущим жильцом или человеком, который ещё собирался вернуться.

Вещевой мешок стоял у кровати. Значит, грузчики знали дорогу лучше меня.

Фридрих остановился в дверях.

— Подъём в пять тридцать. Завтрак с шести. В шесть сорок пять за тобой зайдут. Брифинг в семь.

— Здесь бывает семь утра?

— По часам — каждый день.

— А по солнцу?

— Солнце в распорядке базы не участвует.

Он уже собирался уйти.

— Фридрих.

Он обернулся.

— Тебе уже рассказали всё, что будет завтра?

— Достаточно, чтобы понимать: мы знаем меньше, чем рассчитывали.

— Обнадёживает.

— Отдохни, Вирц.

Дверь закрылась.

Я снял перчатки и несколько секунд стоял посреди комнаты, слушая, как по коридору удаляются его шаги. За стеной работала вентиляция. Где-то дальше звякнула посуда. Кто-то рассмеялся и сразу понизил голос.

Первым желанием было лечь. Вторым — выбросить одежду вместе с запахом подводной лодки.

Победило второе.

* * *

В санитарном блоке находилось шесть душевых, разделённых тонкими перегородками. Над кранами висела табличка: «Горячая вода — не более пяти минут». Ниже кто-то карандашом приписал: «Холодная — сколько угодно».

Я разделся и впервые за долгое время внимательно посмотрел на себя. Заключение оставило на теле меньше следов, чем война, но больше, чем хотелось признавать. Рёбра проступали резче. На плечах исчезла прежняя сила. Шрамы, которые я давно перестал замечать, под белым электрическим светом казались чужими отметками.

Вода пошла не сразу. Сначала трубы содрогнулись, выплюнули ржавую струю, затем появился пар. Я встал под душ и не двигался, пока горячая вода не начала обжигать кожу.

Запах солярки уходил медленно. Я дважды намылил волосы, тёр руки до красноты и всё равно чувствовал его. Возможно, он сохранился только в памяти.

Пол под ногами слегка качнулся. Я положил ладонь на перегородку. Она была неподвижна.

Санитар оказался прав: море ещё не отпустило тело.

Ровно через пять минут горячая вода стала холодной. На «Горизонте» даже милосердие выдавалось по расписанию.

Я вытерся грубым полотенцем, переоделся в чистое бельё и вернулся в комнату. После душа усталость навалилась сразу, но желудок напомнил, что за весь день я ел только сухой хлеб и консервированное мясо.

В столовой оставалась вечерняя смена. За длинными столами сидели механики, радисты, строители и несколько учёных. Люди ели быстро. Разговоры касались генератора, повреждённой лебёдки, задержавшейся радиограммы и человека по фамилии Шульц, который снова перепутал маркировку кабелей. Никто не говорил о руинах.

Мне дали густой суп, картофель, кусок тёмного хлеба и жестяную кружку кофе. Суп был пересолен, картофель разварен, кофе почти не напоминал кофе. После подводной лодки всё это показалось пиром.

Я сел у стены. Через несколько минут напротив устроился широкоплечий мужчина лет сорока с коротко подстриженными светлыми волосами. Он положил рядом инженерную линейку и начал есть, не снимая очков.

— Вирц? — спросил он.

— Зависит от причины вопроса.

— Эрнст Келлер. Моё оборудование ехало рядом с вашим вещевым мешком. Мешок прибыл целым. Оборудование тоже. Значит, знакомство можно считать удачным.

Я вспомнил его во дворе административного корпуса. Именно Келлер спорил с грузчиками о ящиках, ещё не зная, что мы проведём вместе не один день.

— Вы инженер?

— Я человек, к которому приходят, когда инженерные расчёты уже не помогли. Крепления, лебёдки, освещение, насосы, взрывные работы. И снабжение — потому что кто-то решил, будто человек, способный считать балки, способен считать банки тушёнки.

— А это не так?

— Балки хотя бы не исчезают ночью с кухни.

Он говорил без улыбки, но глаза выдавали иронию.

— Вы знаете, что нам покажут утром? — спросил я.

Келлер отломил кусок хлеба.

— Знаю, сколько весит наше оборудование и сколько людей потребуется, чтобы донести его до входа. Всё остальное узнаю вместе с вами.

— Разумное распределение секретов.

— Секреты здесь распределяют щедрее, чем горячую воду. Просто каждому выдают разные.

Он допил кофе, забрал линейку и ушёл. Я ещё некоторое время сидел, прислушиваясь к обычному шуму столовой. Люди передавали соль, просили освободить место, жаловались на холод в мастерской. На несколько минут можно было поверить, что «Горизонт» — обычная военная станция, заброшенная судьбой на край света.

Но стоило вспомнить чёрную воду в бухте, и обыденность рассыпалась.

Вернувшись в комнату, я разложил форму на спинке стула, проверил карандаши и открыл дневник. Хотел записать всё сразу, но рука некоторое время оставалась неподвижной.

На базе не было слышно ветра. Его заменял гул генераторов — постоянный, низкий, проникающий через стены и кровать. В тюрьме ночную тишину нарушали шаги надзирателя. Здесь по переходам ходили часовые. Разница казалась значительной лишь до тех пор, пока не закрывалась дверь.

И всё же эта дверь не запиралась снаружи.

Я лёг, погасил лампу и закрыл глаза. Кровать не двигалась, но тело продолжало медленно подниматься и опускаться вместе с несуществующей волной.

За последние полтора месяца государство дважды позаботилось о моей чистоте: первый раз перед освобождением, второй — на краю света. Я не был уверен, что считать большей любезностью.

Сон пришёл только после того, как по коридору прошла новая смена.

* * *

18 июня 1940 года. Утро

На «Горизонте» утро наступало не вместе с солнцем. Его объявляли часы, звон посуды в столовой и тяжёлые шаги новой смены в коридоре.

Я проснулся за несколько минут до подъёма. В комнате было темно. Труба отопления тихо постукивала, будто кто-то с другой стороны стены подавал условный сигнал. Ощущение качки исчезло, оставив после себя тупую тяжесть в голове.

После умывания я надел форму и впервые увидел себя в небольшом зеркале над раковиной. Она сидела свободнее, чем должна была. Знаков различия по-прежнему не было. Только на внутренней стороне кителя стоял номер экспедиционной службы.

В столовой пахло кашей и горелым кофе. День первого мая всё-таки настиг меня на другом конце мира.

За мной пришёл фельдфебель, которого я видел на причале. Коренастый, с тяжёлым подбородком и спокойными глазами. Он представился Вильгельмом Вебером и сразу сообщил, что отвечает за военную часть группы, если Фридрих или я не сможем отдавать приказы.

— Практичный порядок знакомства, — сказал я.

— На практичный порядок обычно не хватает времени после того, как что-нибудь случилось.

Мне понравился его ответ.

Мы прошли через административный корпус. Коридоры были уже заполнены людьми. Дежурные сдавали смену, радисты несли листы с сообщениями, лаборанты перевозили металлические контейнеры на узких тележках. У стены стояли часы. Они показывали семь без десяти. За окном оставалась ночь.

Брифинг проводили в помещении без окон. У двери дежурили двое часовых. Вебер предъявил пропуск, затем подождал, пока проверят мой. Оружие следовало оставить снаружи.

Внутри стоял длинный стол, рассчитанный примерно на двадцать человек. На дальней стене висела большая карта побережья Земли Королевы Мод. Рядом — схема бухты и несколько фотографий на сером картоне. Проекционный аппарат был направлен на белое полотно. От его лампы пахло нагретой пылью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.